

Юрий
Вяземский
Великий понедельник
Роман-искушение

Сладкие веселые баккуроты

Юрий Павлович Вяземский
Великий понедельник. Роман-искушение
Серия «Сладкие весенние баккуроты», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=305822

Великий понедельник: роман-искушение / Юрий Вяземский: РИПОЛ классик; Москва; 2013
ISBN 978-5-17-078239-0

Аннотация

«Великий понедельник» – это роман-искушение, открывающий цикл «Сладкие весенние баккуроты», в котором автор рассказывает о событиях Первого дня Великой Страстной недели: о прибытии Христа в Иерусалим, о его пророчестве – смерти и предательстве учеников...

Ранее роман выходил под название «Сладкие весенние баккуроты».

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	17
Глава третья	30
Глава четвертая	41
Глава пятая	52
Глава шестая	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Юрий Вяземский

Великий понедельник. Роман-искушение

© Вяземский Ю., 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

*Ему удалось все-таки разобрать, что записанное представляет собою несвязную цепь каких-то изречений, каких-то дат, хозяйственных записок и поэтических отрывков. Кое-что Пилат прочел: «Смерти нет... Вчера мы ели сладкие весенние баккуроты...»
М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита*

Глава первая Перед закатом

Первый час вечера

Закат не был жарким – он был необычайным.

Два человека сидели на горе под старой маслиной перед лицом заката. Один был необыкновенно красив, другой – поразительно уродлив.

Уродливый был весь освещен солнцем. Другой же сидел ближе к маслине, и тень от ствола наполовину закрывала его лицо. Но и по освещенной половине можно было заключить, что человек этот красив и даже очень красив.

Урод смотрел на солнце, и оно отражалось в его белесых, влажных глазах навывкате, словно в двух маленьких зеркалах. А когда он осторожно поворачивал глаза вправо или влево, в белках прорисовывались то спускающаяся вниз дорога, то одинокая маслина, то городская стена с башнями, то Храм. И взгляд он переводил очень медленно и бережно, как бы боясь разрушить возникающие в его глазах отражения.

Молчали. Затем уродливый шумно вдохнул и взволнованно выдохнул из себя:

– Какая красота!

Красавец и бровью не повел. Левый его глаз хоть и был направлен в сторону солнца, однако был словно задернут шторкой. Человек смотрел в глубину себя, а шторка на глазах служила для того, чтобы никто не мешал ему разглядывать свои мысли.

– Я много видел закатов, – неуверенно и в то же время вдохновенно продолжал уродец. – Ты знаешь, я люблю ими любоваться... Но такого я никогда не видел!

И снова красавец не ответил. И лицо его оставалось неподвижным.

Урод вздохнул и решил взглянуть на товарища, медленно развернув к нему плечи. Шею он не мог повернуть, так как ее просто не было. Голова его держалась прямо на плечах, а подбородок упирался в грудь. И потому он смотрел на людей всегда исподлобья. И так же исподлобья, но нежно и бережно он глянул на красавца и снова отвернул от него плечи и голову, подставив закату покатый лоб и взгляд утопив в солнце.

Поразительная тишина окружала сидящих на горе.

Прошло не менее минуты, прежде чем красавец произнес:

– Закат как закат. Что в нем необычного?

Красавец повернул наконец голову. Вторая половина его лица вышла из тени, и красота явилась теперь вполне – редкостной красоты лицо с поразительно правильными и соразмерными чертами, словно оно создавалось по лучшим художественным образцам. Ни малейшего недостатка.

Завеса с глаз красавца спала, и на собеседника устремился внимательный и грустный взор.

Урод сперва смутился, потом виновато и благодарно улыбнулся и сказал:

– Обычно, когда солнце садится, света становится всё меньше и меньше. Небо грустнеет и выцветает. Сумрак наползает на землю... А тут... Смотри, какое яркое и радостное небо! Город искрится и сверкает, как при восходе! И вокруг нас такая ясность, такая четкость! Видна каждая травинка, каждая веточка на маслине...

Урод взмахнул короткими руками, как бы пытаясь обнять ими и маслину, и Город за оврагом, и солнце над крышей Храма. Он призывал своего собеседника оглянуться вокруг и восхититься этой непривычной красотой. Но серые и чистые, изысканного разреза глаза

не последовали его призыву: красавец молча посмотрел на говорившего, и шторы вновь опустились на глаза.

– А тишина какая! – вдруг почти прошептал урод. – Я раньше сюда пришел. Толпы паломников шумно спускались по дороге. Город внизу гудел. В Храме ревели животные. И трубы кричали так, словно трубачи стояли у меня за спиной... И вдруг всё стихло. Словно уши нам залепили воском.

– Время настало. Люди угомонились, – задумчиво произнес красавец.

– Да где ж угомонились?! – воскликнул урод и тут же перешел на шепот: – Вон, видишь, двое мужчин ставят шалаш. А женщина ходит вокруг них и размахивает руками. Она явно недовольна и кричит. А мы не слышим ни единого звука... Или, вон, осел ходит вокруг жернова. До этого сада не больше двух стадий. Я его знаю. И жернов там обычно издает громкий, противный звук, от которого у меня всегда мурашки бегут по телу...

– Просто ветер дует в другую сторону.

– Но нет ведь никакого ветра! Разве ты чувствуешь ветер?

– Здесь, наверну, нет. А там, внизу, дует ветер и относит звуки.

– Да где ж он там дует? Смотри, как застыли под нами деревья. Ни одна веточка не шелохнется.

– Да, похоже, и внизу ветра нет, – задумчиво согласился красавец и тут только отвел взгляд от щеки собеседника, чтобы посмотреть наконец на деревья, на осла и на паломников, сооружающих хижину.

– Нет ветра! И звуков нет! И странно всё это, Иуда! – радостно воскликнул уродец.

Иуда посмотрел на него и улыбнулся. Казалось бы, улыбка должна была украсить его прекрасное лицо, но она скорее нарушила что-то в этой совершенной красоте.

– Один звук я слышу, – сказал Иуда. – Похоже, это Кедрон. Слышишь? Журчит внизу около моста. Там много больших камней.

– Это не Кедрон. Это вообще не звук реки. Это какая-то тихая и светлая мелодия. Только непонятно, откуда она к нам доносится...

– Грустный звук.

– Нет, радостный и чистый.

Иуда перестал улыбаться. И вдруг спросил:

– Ты что-то хотел сказать мне, Филипп?

Уродец вздрогнул и втянул голову в плечи.

Помолчали. Потом Филипп взволнованно произнес:

– Помнишь того молодого начальника, который принимал нас в Вифаваре? До того как подойти к Учителю, он долго беседовал со мной. О вечной жизни меня расспрашивал. Почему он именно ко мне обратился, я так и не понял: ведь иудейские начальники обычно беседуют с Иаковом или с тобой... Ну я, как мог, постарался исследовать с ним вопрос и разъяснить, что Благой Учитель...

– «Благ только Бог», – перебил Иуда.

– Да, так его поправил Иисус, – поспешно согласился Филипп. – Но, видишь ли, я сам называл Учителя Благим, и молодой начальник обратился к Нему так, как я Его называл... – Филипп сокрушенно вздохнул.

– Дело не в том, как он назвал Иисуса, – возразил Иуда. – Дело в том, что молодой начальник был богат. Иисус потребовал от него, чтобы он раздал свое богатство нищим. А начальнику стало жалко... Очень трудно, Филипп, принести в жертву то, что ты ценишь больше всего на свете.

Филипп сперва обиженно посмотрел на Иуду, а затем виновато сказал:

– Он потом подошел ко мне, этот начальник, и признался, что с радостью отказался бы от своего богатства, если б кто-нибудь объяснил ему, зачем нужно всё раздавать нищим...

Я попытался ему объяснить и не смог. Потому что мысли мои еще были разрозненны, представления еще не сложились в стройную систему...

Филипп с надеждой посмотрел на Иуду. Но красавец отвернулся, подставил лицо заходящему солнцу и закрыл глаза.

– Прости. Я мешаю тебе сосредоточиться, – еще более виновато произнес Филипп.

Солнечные блики вдруг запрыгали на длинных ресницах красавца. Если человек может смеяться одними закрытыми глазами, то именно так смеялся сейчас Иуда.

– Милый философ, – без малейшего намека на иронию произнес ласковый голос, – мы редко с тобой беседуем, но мне всегда нравятся твои рассуждения. Тем более когда они складываются в стройную систему.

Филипп встревоженно покосился на Иуду, глаза его засуетились еще сильнее.

– Говори, – настаивал проникновенный голос. – Я буду молчать и слушать. Мне очень интересно, что тебе сегодня открылось.

Тут какие-то птицы, похожие на голубей, выпорхнули из куста и полетели над оврагом. Вернее, сперва одна птица шумно выпорхнула и, призывно крича, полетела к реке, за ней другая, хлопая крыльями, устремилась в сторону Храма, а третья поднялась над землей совсем бесшумно и скоро исчезла в солнечном раструбе.

– Всё дело в Красоте. И именно Красота спасет мир. Потому что это не только Красота, – следя за их полетом, взволнованно и сбивчиво начал Филипп и продолжал: – Обычно, когда я смотрю на закат, он подавляет меня. Я люблюсь им, я глаз от него не могу оторвать, но он словно прижимает меня к земле, мне становится грустно и одиноко. Но сегодня у меня совершенно другие ощущения. Потому что я встретился наконец с другим закатом и с другой красотой. И эта красота не подавляет, а возвышает. Даже я, урод, чувствую себя красивым. Даже когда сижу с таким действительно красивым человеком, как ты, Иуда.

Иуда никак не откликнулся на этот комплимент, и лицо его не выразило никаких эмоций. А Филипп радостно объявил:

– Начну с Красоты!.. Это ведь не случайно, что Он родился в Галилее. В Назарете жил, а потом переселился в Капернаум, который еще красивее Назарета и, на мой взгляд, самый красивый город во всей Палестине. Именно там, среди красоты природы, должен был явиться Он, Красота Воплощенная!.. Помнишь, в Ефраиме мы спорили о том, куда Он пойдет дальше. Мы с Андреем полагали – в Десятиградие и дальше в Кесарию к язычникам. Даже Петр не знал. И только Иоанн догадался: в Иерусалим! На Пасху! А Зилот объявил, что ни за что не пустит Его в Иерусалим и силой задержит, если Он не послушается... Ты понимаешь, о чем я говорю? Он выбрал самый красивый праздник! И самое прекрасное время года – цветущую весну!..

– Смотри дальше, – возбужденно продолжал Филипп, хотя Иуда никуда не смотрел и глаза его были закрыты. – Из Ефраима в Город ведет прямая и скорая дорога. Но Он зачем-то пошел обходным путем и сперва направился в сторону Иерихона. Зачем, спрашивается? Я исследовал этот вопрос и долго не мог на него ответить. Пока мы не подошли к Иерихону. Ты помнишь, Иуда, какая удивительная красота нас встретила, словно вылилась нам навстречу и обняла нас?! Этот пальмовый лес, через который мы проходили. Бальзамовая роща, запах которой мне до сих пор удается сохранить в памяти. Вот я только сказал о ней – и чувствую, как ароматы разлились вокруг нас в воздухе на многие километры... А замечательные розовые сады! И паломники, которые выстроились вдоль дороги, чтобы встретить Его и нас. Как прекрасны были их лица!.. Ведь Он специально выбрал этот путь, чтобы мы двигались среди красоты, и красота эта всё возрастала и возрастала на наших глазах, как бы свидетельствуя о том, что Он хочет нам сказать.

А какая поразительная красота ждала нас в Вифании! Когда Симон и Лазарь вышли встречать нас к самому краю пустыни. Завидев их издали, я сперва решил, что это вдохновенные пророки идут нам навстречу. Они надели на себя лучшие свои одежды. И как прекрасны были их лица: мужественное, торжественное лицо Симона и юное радостное лицо Лазаря.

А ведь два года назад мы видели другого Симона. Помнишь? Когда он пришел к нам в Галилею, одежда у него была разорвана, волосы на голове и бровях почти все вылезли, на губах выступали струпья, один зуб выпал изо рта, когда он заговорил диким хриплым голосом. Когда он протянул к нам руки, похожие на птичьи когти, они все были в язвах и сочились гноем. А лицо! Оно так вздулось буграми и настолько потеряло человеческий облик, что Симон стал похож на льва или сатира. И одна из женщин, помнишь, закричала от ужаса и спряталась за спиной у Зилота...

– Я помню. Это была Иоанна. И спряталась она за спиной Андрея, потому что у него самая широкая спина, – вдруг подал голос Иуда и открыл глаза.

Но уже ничто не могло сбить Филиппа, и он радостно продолжал:

– Ужас! Я до сих пор не могу вспомнить его без содрогания. Бедный человек. Сколько страданий он перенес... А теперь так странно слышать, когда некоторые называют его Симон-ом Прокаженным. Теперь он больше похож на первосвященника... А Лазарь! Ты когда-нибудь видел его таким красивым, каким он предстал перед нами вчера и каким он был сегодня? Когда я вошел в горницу и увидел его рядом с Учителем, я сперва подумал, что это Иоанн. Потому что он стал красивее всех нас. Нет, твоей красоты он, конечно, не достиг, – поспешно добавил Филипп. – Среди нас ты самый красивый. Иногда мне кажется, что красотой лица и тела ты превосходишь...

– Не надо о моей красоте. Мне это неприятно, – ласково, но твердо попросил Иуда.

– Прости, хорошо, не буду, прости, – быстро пробубнил Филипп и радостно продолжал: – Я хочу сказать, что Он не только исцеляет людей, не только воскрешает из мертвых, – Он им возвращает красоту! И эта красота становится всё более чистой и яркой! Чем дольше мы остаемся с Ним, тем сильнее преображаемся даже внешне...

То ли ветер подул со стороны оврага, то ли что-то иное произошло в окружающей природе, но до слуха собеседников стали доноситься звуки: журчание воды в Кедроне, голоса паломников, остановившихся на мосту через поток. Но выше по склону горы люди продолжали строить шалаш, осел тяжело вращал жернов, и их по-прежнему не было слышно.

– А утром сегодня, когда Он въезжал в Иерусалим и мы следовали за Ним, – продолжал Филипп. – Вот здесь, где мы сейчас сидим, я остановился, пораженный величиим зрелища. Снизу шли празднично одетые люди с прекрасными и светлыми лицами. Они снимали с себя плащи, покрывали их ветвями и устилали нам путь. Они так радостно пели, так славил Его и благодарили Бога. И еще радостнее пели те, которые шли за Ним и спускались с горы. Сотни, нет, тысячи людей! И помнишь, когда два этих людских потока встретились у Гефсиманского сада, который Он так любит и где мы так часто отдыхаем, когда одна прекрасная волна встретилась с другой, когда пение троекратно усилилось, то радость и благодарность захлестнули нас так, что мы слились в единое целое, в море любви и красоты! Я тогда подумал, что пир, который мы все так ждем, уже начался. Потому что Красота уже встретилась со Светом.

– А фарисеи? – вдруг задумчиво спросил Иуда.

– Какие фарисеи?

– Ну, помнишь, перед самыми городскими воротами к Иисусу подошли фарисеи и попросили, чтобы Он заставил народ замолчать. А Иисус ответил им...

– Да не помню я никаких фарисеев! – испуганно и даже раздраженно воскликнул Филипп. – И пожалуйста, не сбивай меня с мысли! Иначе я не смогу изложить тебе то, что

мне сегодня открылось. Я ведь для того и описываю всё, что ты сам видел, чтобы в этом описании выделить и исследовать вместе с тобой... – Филипп запнулся, тряхнул головой. – Итак, Красота возрастает и охватывает весь мир. Об этом мы уже сказали с тобой. А теперь будем говорить о Свете!

– Я где-то читал или мне рассказывал кто-то из раввинов, – переведа дух, продолжал Филипп, – я слышал, одним словом, что, когда придет Мессия, свет солнца изменится и луна будет светить иначе. Это изменение света я наблюдал и раньше. Помнишь, когда возле моей Вифсаиды мы поднялись на гору и Учитель сотворил чудо – накормил пять тысяч голодных? Я уже тогда обратил внимание, что, как только стали умножаться хлеба и рыбы, какой-то особенный свет вдруг пролился на нас. И цвет одежд у людей стал необычайным! И трава вдруг стала непривычно зеленой – такой удивительно зеленой травы я никогда до этого не видел!..

– погоди, не прерывай меня, – попросил Филипп, хотя его собеседник не сделал к тому ни малейшей попытки. – Я говорю, я и раньше замечал это усиление света и обострение цветов. Но это было эпизодически. Теперь же, как только мы выступили из Ефраима, свет стал нарастать и изменяться постоянно. Он становится, несомненно, всё ярче и ярче. Он светит нам всё более радостно. Он так отчетливо освещает всё вокруг, что, если внимательно смотреть, выделяется каждый камень, каждая веточка обретает свой собственный силуэт и каждая травинка выглядит самостоятельно. Этот яркий свет, однако, не жаркий. Ты не заметил, что, когда мы вышли из Иерихона и пошли через пустыню, солнце не жгло нас и не мучило, как это всегда бывает на иерихонской дороге? И сегодня утром вот отсюда, где мы сидим, я, затаив дыхание, любовался Городом и долго смотрел на крышу Храма, не понимая, что с ней произошло и почему она меня так привлекает. Пока не понял, что в это время дня на нее невозможно смотреть – она так блестит на солнце, что глаза слезятся и слепнут... Город сегодня сверкал и искрился, но в этом ярком, радостном и отчетливом свете не было ничего ослепительного... Помнишь, однажды Учитель рассказал нам притчу, как девы вышли встречать жениха и взяли с собой светильники?.. Знаешь, Иуда, у меня такое ощущение, что весь мир, вся природа вышли встречать нас со своими брачными светильниками. И солнце – один из этих светильников.

– Красиво говоришь, философ, – похвалил Иуда и, подняв голову, добавил: – А прямо над нашими головами скоро зажгут луну. И три вечерние звезды сегодня и вправду какие-то слишком яркие.

– Ты тоже видишь, – благодарно прошептал Филипп. – Но, милый Иуда, я теперь знаю, что за этим видимым нами солнцем скрывается иной источник света, который еще ярче освещает нашу жизнь, который светит нам даже во тьме, освещая путь и благословляя наши мысли. Ты никогда не замечал, что словно некое невидимое солнце освещает какие-то дни в нашей жизни, а другие тонут во мраке. Эти освещенные дни, эти моменты и мгновения так ярко и отчетливо подсвечены, что видишь каждую деталь, каждую черточку, каждое чувство свое заново переживаешь и слышишь каждый звук, и даже запахи всплывают в памяти, и вкус вина или воды и хлеба ощущаешь на языке?.. А целые месяцы и даже годы жизни проваливаются куда-то в бездну, потому что они этим радостным и ласковым светом не освещены и памяти не заслуживают... Я, например, до сих пор помню вкус того вина, которым Учитель угостил нас на свадьбе в Кане. Потому что Он не только превратил воду в вино, но наполнил это вино тем светом, который сильнее и радостнее и солнца, и луны и ярче всех светильников на свете... Помнишь, в тот день, когда он воскресил Лазаря, небо было затянуто тучами. Но когда отодвинули камень и Лазарь вышел из могилы – еще в саване, спеленатый по рукам и ногам, – вдруг яркий и радостный свет вспыхнул и разлился вокруг.

Но я специально тогда посмотрел на небо: по-прежнему его закрывали тяжелые и плотные облака. А свет сиял!.. Ты ведь тоже видел, Иуда?

– Нет, не видел, – задумчиво ответил Иуда, внимательно разглядывая Филиппа. – Я тогда о другом думал.

– Не видел? – повторил Филипп, и глаза его снова забеспокоились, взгляд стал метаться от лица Иуды на солнце, от солнца к крыше Храма и вниз к темнеющей долине. – Я видел, а ты нет?.. Как же так?.. Свет этот нельзя было не заметить... Он был таким теплым, таким ласковым... Сегодня, когда мы вступали в Город, нам светил тот же самый свет. Только намного ярче и прекраснее! И мне показалось, что я тоже... Как бы это лучше сказать?... Мне показалось, что я тоже как бы воскресаю от смерти и саван падает с меня, с лица снимают бинты, руки и ноги освобождают, а за спиной вырастают крылья, чтобы лететь, лететь...

Тут беспокойные глаза Филиппа в очередной раз наскочили на лицо Иуды, замерли на нем, и Филипп вдруг спросил:

– А ты не заметил, что в последнее время Он исцеляет главным образом слепых? Сегодня в Храме исцелил нескольких. Позавчера в Иерихоне вернул зрение Вартимою и его товарищу.

– Сегодня в Храме были не только слепцы. Были и другие больные, – уточнил Иуда, отворачиваясь от Филиппа. Но тот реплики его не расслышал:

– Когда мы вышли из Иерихона и стали подниматься по дороге, я подошел к Вартимою и познакомился с ним. Он мне очень любопытную вещь рассказал. Еще до того, как Учитель вернул ему зрение, он уже видел свет! И первый раз вспыхнуло что-то вдруг перед его невидящими глазами, когда он услышал, что Учитель приходил на праздник Кущей и исцелил в Городе слепорожденного. С тех пор он каждый день выходил на дорогу и ждал в полной уверенности, что Учитель пройдет мимо и обязательно исцелит его. «Ведь вспыхнул же однажды свет в моей темноте», – говорил он. А в самый день исцеления, когда он со своим товарищем – до сих пор не знаю, как его зовут, – ранним утром по обыкновению уселся перед воротами, то во мраке его слепоты вдруг засветился какой-то далекий огонек. Огонек этот постепенно приближался, и от него во все стороны разливалось ласковое сияние. С каждой минутой сияние всё усиливалось, и наконец из глубины возник человеческий силуэт, который медленно приближался к нему. И он уже знал, что это Тот, который исцелил иерусалимского слепого и теперь идет его спасать. Люди, зрячие люди, которые стояли вокруг него, еще не видели Учителя, а он уже чувствовал и верил... И это видение исчезло именно тогда, когда толпа зашумела: «Идет, идет!!!» И Вартимей что есть мочи закричал: «Помилуй нас, сын Давидов!..» И даже сбросил с себя одежду, чтобы быстрее бежать к Нему!

– Насколько я помню, – заметил Иуда, – Иисус исцелил этих слепцов, когда мы уже выходили из Иерихона.

– Может быть. Я не помню. Может быть, они шли за нами через весь Город. Но главное для меня сейчас то, что *он увидел, еще не видя Его!* Свет этот, о котором я говорю, привлек его к Учителю. А Учитель потом прикоснулся к его глазам, чтобы он прозрел и мог видеть окружающую красоту... Красота соединилась со Светом! А ты видел, как вчера вечером светилось лицо Марии? – вдруг спросил Иуду Филипп.

– Какой Марии?

– Марии Клеоповой, Марфиной сестры, которая вчера вечером помазала Ему голову... От нее исходило какое-то особое сияние. Очень похожее на то, что я видел тогда, когда мы ходили на север. Помнишь, на горе Ермон, когда Учитель оставил нас на поляне, а сам, взяв с собой Петра и двух Зеведитов, ушел наверх помолиться? И долго они отсутствовали. И что там было, я до сих пор не могу ни у кого узнать. Но вернулись они оттуда просветленными. Какой-то удивительный свет лился у них из глаз и словно освещал всё вокруг. У Петра и

Иакова это довольно скоро прошло. Но Иоанн... Представь себе, Иуда, во время холодных вечеров я несколько раз замечал, что, когда я стою или сижу рядом с Иоанном, мне тепло и как будто ветер не дует. А когда он заговаривает со мной, у меня иногда появляется ощущение, что кто-то поднес светильник к моему лицу и свет от него проникает мне в глаза, проливается вниз и вширь и словно освещает мне душу... Так всегда бывает, когда наш Благой Учитель на меня смотрит...

– И лицо Марии Клеоповой так же светилось? – вдруг перебил его Иуда. Он отвернулся от заката и теперь в упор и тяжело смотрел на Филиппа.

– Почти так же. И в ее глазах были в этот момент и свет, и красота, и удивительная нежность, и... почему-то страдание, как мне показалось. – Филипп исподлобья глянул на Иуду и вдруг улыбнулся широкой уродливой улыбкой лягушки: – Вот ты на меня сейчас смотришь. И свет у тебя есть в глазах, и красота конечно же. Но нежности я не чувствую.

Едва он это сказал, снизу донесся неприятный, шершавый звук как раз с того места, где осел в саду вращал каменный жернов. Иуда досадливо поморщился. Но его собеседник звука не заметил и продолжал:

– Итак, красота освещает, а свет приносит то, что Платон называл благом. Потому что именно он, Учитель Иисус, заключил и объединил в себе и Красоту, и Свет, и Благо. В одном теле, в одной душе и в одном духе... Неясно? Изволь, приведу пример. Возьмем того же Вартимея, которого Он исцелил в Иерихоне. Обычно во время исцелений я смотрел на людей, которых Он исцелял, чтобы видеть их радость, их преобразование... Но тут я специально смотрел на Учителя, и только на Него. Вартимей уже долго кричал: «Помилуй нас, сын Давидов!» Люди пытались заставить его замолчать. А я ни на кого не обращал внимания, только на Иисуса смотрел, потому что знал, что скоро Он прервет свою беседу с теми, кто шел рядом с Ним, остановится – и произойдет чудо. Поэтому я ничего не пропустил и всё видел с самого начала и в точной последовательности. Он действительно вдруг остановился, и Его лицо чудесным образом изменилось. Что в нем произошло, я затрудняюсь описать, но, одним словом, передо мной стоял человек, красивее которого нет и никогда не было. Потом Он попросил, чтобы к Нему подвели слепцов. И пока они сбивчиво объясняли Ему, что они от Него хотят, я видел, как в Его глазах появился и нарастал этот удивительный свет, которым, как рассказывают, светились глаза великих пророков Моисея, Илии, Елисея и от которого всё освещается вокруг... А потом Он поднял руки и прикоснулся ими сперва к глазам Вартимея, а потом к глазам его несчастного товарища, который, словно немой, стоял рядом, ничего не говоря и ни о чем не прося. И в этих руках, дорогой мой Иуда, в них всё тогда заключилось: нежность матери, ласкающей своего ребенка, какая-то первозданная красота, из которой родился наш мир. Они светились, Его руки! И чудо произошло уже тогда, когда Он их поднял. Потому что от прикосновения *таких* рук любые, самые слепые глаза должны открыться и прозреть. И чудом бы было, если бы не прозрели!.. Тут именно соединились и Красота, и Свет, который Он подарил Вартимею, и Любовь, которую Он к нему испытывал... Не только я – Иаков также обратил внимание на Его чудесные руки. А Петр и Андрей потом утверждали, что Учитель вовсе не прикасался к глазам слепцов, а исцелил их одним лишь словом... Странно, они как будто не видели ни рук, ни глаз, ни лица Его...

Филипп обратился к Иуде и увидел, что во всем теле его собеседника появилось напряженное напряжение. От заката Иуда отвернулся и теперь всматривался в синие тени, лежавшие позади старой маслины. Из этих теней выступила светлая фигура, которая медленно приближалась к сидевшим. И когда она, представ перед закатом, вполне осветилась, стало видно, что пришел юноша, почти мальчик, и мальчик этот красив, но красота его уступает красоте Иуды: черты лица какие-то мелкие, рот меньше, чем нужно, а губы по-женски припухлые.

– Я не помешал вам? – тихо и осторожно спросил пришедший.

– Как ты можешь помешать?! – воскликнул Иуда, но слишком поспешно и чересчур громко. И еще неестественнее прибавил: – Мы тут беседуем с Филиппом. Обсуждаем события прошедшего дня. Садись между нами. Только хорошенько подоткни под себя плащ, потому что земля постепенно холодеет.

Иуда быстро отодвинулся в сторону, освобождая место между собой и Филиппом. Но пришедший, поблагодарив, скромно сел с краю, слева от Филиппа и дальше других от мастины.

Лицо его еще лучше осветилось, и теперь стало заметно, что он давно уже не мальчик, а молодят его глаза – ясные, нежные, такие чистые, какие бывают только у маленьких детей. Глаза эти настолько выделялись на его лице, что все остальные черты как бы отступали в тень, мельчали перед ними и тушевались. Глаза так светились, что трудно было определить их цвет: серые? зеленые? голубые? Они были доверчиво открыты и радостно распахнуты перед людьми; и шторок на них нет, как в умных глазах Иуды, – смотри в них, сколько захочешь, и грейся в лучах их, если удастся заглянуть и пробиться сквозь ласковый свет.

Филипп повернулся к юноше и посмотрел на него с восторженным умилением.

Иуда задумчиво погладил левой рукой то место, на которое не сел юноша. При этом тело Иуды еще больше напряглось, а лежавшая на колене правая рука слегка дрогнула.

– Нет, вижу, что помешал вам, – после некоторого молчания произнес юноша, однако не виновато, а как бы удивленно и даже укоризненно.

– Да бог с тобой, Иоанн! – воскликнул Филипп. Глаза его снова стали кататься из стороны в сторону, как будто он взглядом пытался поймать потерянную мысль или фразу, на которой остановился. – Я тут пытался кое-что разъяснить Иуде. Я пытался обосновать, что красота только тогда станет Истинной Красотой, когда объединится со Светом и исполнится Благom... то есть Любовью... Я понял, что Царство, о котором все говорят и которого ожидают, это Царство Света, и Света прежде всего... Я в этом окончательно убедился, когда Он, Учитель и Христос, говорил в Храме с пришедшими к Нему греками. Помнишь, когда Он поднял голову к небу и просил у Бога прославить Его имя? Я собственными глазами видел, как в вышине – не на западе, не за Верхним городом, где в тот момент было солнце, – а прямо над Его головой вспыхнул свет, который тут же пролился на нас и осветил...

– Ты свет видел? – быстро спросил Иоанн.

– Да, свет. Очень яркий! Свет, который явился в ответ на Его просьбу... А ты разве не видел? – Филипп удивленно обернулся к Иоанну, но Иоанн молчал, а в лучистом его взгляде ничего прочесть Филиппу не удалось. – Да, я видел свет, – обиженно повторил Филипп. – И все должны были видеть, потому что не видеть его было невозможно! А после этого я слышал Его слова. Он сказал, что надо жить и ходить в свете, потому что тот, кто света не видит и в нем не ходит, будет вечно окружен тьмой. И дороги в Царство никогда не отыщет. А тот, кто верит в Свет, станет Сыном Света... И говорил Он это не только грекам, но и нам – всем, кто стоял тогда вокруг Него. И это были Его последние слова. С этими словами он вышел со Двора язычников. И мы пошли сюда, в Вифанию... Я это очень хорошо помню! – решительно объявил Филипп, но, повернувшись к Иоанну и встретившись с ним взглядом, добавил почти шепотом: – Мне даже показалось, что, когда Он говорил эти слова о свете, Он смотрел на меня. Так же ласково и понимающе, как ты сейчас на меня смотришь.

Иоанн молчал. А нарушил тишину Иуда. Тяжело глядя на Филиппа, он заговорил красивым своим голосом:

– Ты конец Его речи привел. Но начал Он не со света. Он говорил о зерне, о пшеничном зерне, о том, что если не бросить его в землю, если его не посеять, то никакого урожая не будет. Чтобы принести урожай, зерно должно умереть... А потом Он сказал, что надо ненавидеть свою душу и только так можно ее спасти. А тот, кто любит свою душу, погубит ее и не войдет в Царство небесное...

– О, это я тебе сейчас объясню! – радостно перебил его Филипп. – Я эти слова тоже слышал и хорошо их запомнил. Но ты немного неточно процитировал Учителя. Он сказал: «Любящий душу свою в мире сем». *В мире сем* – вот ключ к разгадке. Потому что у обычных людей, которые живут в нашем мире, души темные. Они лишены света, о котором Он говорил, и потому им трудно, а может быть, и невозможно будет обрести жизнь вечную. Эти темные, неосвещенные свои души люди должны возненавидеть. И тогда свет в них войдет, исполнив красотой и любовью.

– Да, Филипп, ты это говорил, и я уже понял, – ответил Иуда. Он смотрел на Филиппа, но часто бросал короткие и испуганные взгляды в сторону Иоанна. И взгляды эти были намного выразительнее тех пристальных и холодных, которыми он оделял Филиппа. – Надо быть рядом с Иисусом, надо верить в Него, и тогда Он пошлет нам красоту, и свет, и любовь. Иисус нам всё даст. А что мы Ему дадим? Как с Ним расплатимся за те бесценные и вечные сокровища, которые Он нам беспрестанно дарит?.. погоди, Филипп, я знаю, что ты собираешься мне возразить. Дар – это всегда безвозмездно. Вера – великая вещь. Так все говорят. Но я с ними не могу согласиться. Потому что в этом мире за всё надо платить. И чем сильнее любишь, тем дороже надо расплачиваться. Бескорыстный дар требует еще большего бескорыстия с твоей стороны. Мне кажется, нужно прежде всего понять, какого ответного благодарного дара Он от нас ожидает и что нам Ему преподнести, чем пожертвовать, чтобы в этом подарке в высшей мере, с наибольшей щедростью и бескорыстием отразились наша любовь, наша вера и наша благодарность? Он любит тебя и дарит тебе вечную жизнь. А чем ты за эту вечность можешь с Ним рассчитаться? Что тебе дороже всего на свете? Ты знаешь, Филипп? Ты должен знать. Потому что, если ты человек благодарный, и действительно любящий, и истинно верующий в Иисуса, то именно это, самое любимое свое, самое сокровенное, самое бесценное для тебя, о чем сейчас ты, может быть, даже и не догадываешься, – именно это ты должен поднести и протянуть Иисусу, ни о чем другом больше не думая, жертвы своей не жалея и никого не боясь! Любящий человек дарит то, что больше всего ждет от него его любимый. И прежде всего дарит самого себя! И в этом – его высший расчет, его красота, и свет, и, наверно, бессмертие!

Пока Иуда говорил, Иоанн глядел ему в глаза так, как умеют только хорошие врачи и маленькие дети. Но стоило Иуде замолчать, как Иоанн его ласково и неожиданно спросил:

– А Марию ты зачем упрекнул, Иуда?

Иуда сразу опустил глаза и ничего не ответил.

– Какую Марию? Когда? – не понял Филипп и сперва развернулся всем телом к Иоанну, а затем – к Иуде.

Тут снизу донеслось сначала женское пение, а следом за ним раздраженный мужской голос.

Трое сидевших под маслиной посмотрели вниз по склону горы и увидели, что паломники уже закончили строительство шалаша, что женщина теперь поет, а мужчина упрекает ее в праздности и требует от нее ужина. Лишь некоторые слова достигали вершины горы, но их было вполне достаточно, чтобы понять, что происходит.

– Я не упрекал ее, – сказал Иуда, не отрывая взгляда от долины. – Я просто сказал, что масло это можно было продать за большие деньги, а деньги раздать нищим.

– Вы о Марии Клеоповой говорите? Которая вчера помазала Учителя? – стал догадываться Филипп, но на него не обращали внимания.

– А ты что, не помнишь, как было дело? – лукаво улыбнувшись, спросил Иуда, по-прежнему не глядя на Иоанна. – Ты же присутствовал и сам видел... Когда Мария появилась с сосудом, то первой на нее рассердилась Магдалина. Она сразу догадалась, зачем Мария выходила и зачем вернулась с сосудом. Черная Мария Магдалина даже руку протянула,

чтобы посмотреть, какой сосуд принесла белая Мария Клеопова и какая на нем этикетка. Но та отшатнулась в сторону, направилась к Иисусу и, встав перед ним на колени, стала лить ему на голову масло и гладить волосы, втирая в них нарды... И тут Симон Прокаженный, который возлежал рядом с Иисусом, довольно громко спросил: «Зачем, сестра? Я ведь уже помазал Его, когда Он входил в дом». Но Мария не ответила, обошла ложе и подобравшись к ногам Иисуса, стала и на ноги лить масло. А потом сбросила платок, выдернула заколку одним коротким движением и...

Иуда чуть приподнял красивые брови, осторожно покачал головой и с легкой усмешкой продолжал, глядя в овраг:

– Ты не видел лица Магдалины? Занятное было зрелище. Когда она увидела, что Мария своими волосами вытирает ноги Иисусу, лицо ее побелело... Оно и так-то у нее белое при черных ее волосах. А теперь еще белее стало. И на этом белом фоне сверкали, прыгали, кричали, шипели и буравили бедную Марию адские ее глаза! Истинно говорю вам, что все семь бесов, которые некогда сидели в Магдалине, теперь словно опять вселились в нее. Точно – бес гнева. Точно – бес ревности, которая похожа на гнев. Бес зависти, которая похожа на ревность... Сколько я насчитал бесов? Всего трех? Но там и другие были. И я не стану их перечислять, потому что всё это – женские бесы, и нам, мужчинам, их не различить.

– Не любишь ты Магдалину, – тихо и медленно произнес Иоанн, но в голосе его не было ни малейшего осуждения, а только ласковая грусть.

– Я всех стараюсь любить, как велит нам Иисус, – просто и уже без смущения ответил Иуда, отвернувшись от оврага и теперь смотрел в глаза Иоанну. – Ты говоришь: я упрекнул!.. Ее почти все успели до меня попрекнуть. И пожалуй, больше других упрекали те, кто молчал и не произнес ни слова. Только один Филипп смотрел на нее с восторгом и обожанием... Ладно, Филипп, не вздрагивай и глаза на меня не тарачи... Когда она вдруг разбила сосуд и днище его отлетело к ногам Петра, он тут же поднял его и сказал: «Зачем разбивать, когда в нем еще осталось масло?» Симон Прокаженный сказал: «Иисус не гость здесь – он здесь хозяин. И сосуды бить не положено». Тут Иаков потребовал, чтобы ему сказали, откуда Мария взяла этот флакон. Ему передали ярлык. Но сперва его схватил Фома и тут же прочел, что во флаконе нардовое масло высшей пробы и стоит оно не менее трехсот динариев. Иаков ужаснулся и стал объяснять Матфею, что на эти деньги можно было бы накормить целую прорву нищих и еще множество хороших дел сделать. А потом обиженно посмотрел на меня и сердито прошептал: «А ты куда смотришь, Иуда? Это ведь из твоего ящика флакон. Что ты молчишь? Скажи нам что-нибудь...» Ну я и сказал Марии, что это – большая трата, потому что на эти деньги... И сказал я это почти шутя, потому что все уже высказались. Потому что Иаков велел мне сказать. И потому что флакон с нардовым маслом действительно был из нашего общинного ящика...

Иоанн молчал, ласково и грустно продолжая вглядываться в глаза Иуде. Филипп же решил вставить словечко:

– А я не заметил! Я и замечания твоего не слышал, Иуда! Я действительно тогда любовался Марией. Я глаз от нее не мог оторвать! Я никогда не видел ее такой красивой! Она вся светилась изнутри! Она была словно в божественном исступлении...

– Нет! погоди! – с раздражением перебил его Иуда. – Когда мы только вошли в горницу и стали размещаться на ложах, Мария сидела какая-то потухшая и пустая. Она даже забыла поприветствовать Иисуса. Смотрела на него то ли с болью, то ли со страхом. И только когда Марфа несколько раз толкнула ее в бок, она отошла от стены, подошла к Иисусу и слегка ему поклонилась... А после подошла ко мне и спросила: «Иуда, где твой ящик?» Я сказал, что оставил его в прихожей...

– Вот тут и странность! – вдруг воскликнул Иуда и, как Иоанн заглядывал ему в глаза, так и он, Иуда, принялся теперь заглядывать в глаза Иоанна. Два взгляда встретились, один – ласковый и ясный, другой – тревожный и раненый.

– Мария – женщина не бедная, – отрывисто продолжал Иуда. – У нее есть собственные благовония. Она ими редко пользуется, но они у нее есть. И еще больше благовоний у ее сестры, Марфы. Но она почему-то направилась к моему ящику... Там тоже много флаконов – женщины жертвуют. Для них это самое дорогое. И некоторые флаконы действительно дорого стоят... У меня, например, до сих пор хранится то масло, которым Сусанна собиралась помазать своего Наума, но Иисус его воскресил, и Сусанна пожертвовала сосуд в общину... Я тогда еще не носил ящика. С ним ходил Иаков... Когда монеты кончаются, Иаков дает мне команду, и я эти сосуды продаю. Но в отношении Сусаннинного сосуда Иаков распорядился, чтобы я его не трогал – пусть он сохраняется в память о Наумовом воскрешении.

– И этот Сусаннин сосуд позавчера взяла Мария? – загадочно спросил Иоанн.

– Нет, представь себе! – воскликнул Иуда, но шепотом. – Она взяла другой. Тот, который пожертвовала одна женщина из Вифавары. Помнишь, матери приходили с младенцами, чтобы Иисус возложил на них руки и благословил? Их было много, и Иисус долго с ними возился, потому что некоторых детей он брал на руки, а с несколькими даже играл... Так вот, среди пришедших была женщина. Она стояла чуть в стороне и к Иисусу не приближалась, потому что ребенка у нее не было. Она никого с собой не принесла. Я тогда обратил на нее внимание. Мне вдруг показалось, что у этой женщины только что умер ребенок и она никак не может поверить, что это произошло, и вместе со всеми пришла за благословением, стоит и не понимает, куда же делось ее дитя... Повторяю: мне это только показалось. Я ни на чем не настаиваю!.. А когда Иисус всех детей благословил и матери с младенцами пошли со двора, эта женщина тоже пошла следом за ними. Но в воротах вдруг остановилась, оглянулась... Нас много стояло подле Иисуса. Тебя, помнится, не было. Были два Симона, был твой брат, кто-то еще из первых – кажется, Матфей – и человек десять из просто учеников, в их числе и Наум Воскрешенный... И стало быть, остановившись в воротах, женщина эта стала разглядывать наши лица. На Петра посмотрела. Потом на Иакова. А потом словно в забытьи двинулась к Науму. Но, не дойдя до него нескольких шагов, вдруг повернулась, увидела меня и с радостной улыбкой ко мне подбежала. Она ничего мне не сказала. Вручила флакон и поспешила догнать матерей с младенцами... Потом ко мне подошел Иаков и взял у меня алебастр. Он долго вертел его в руках, подносил к носу горлышко, внимательно изучал ярлык, а потом объяснил мне, что это очень дорогое нардовое миро, что, судя по запаху и по этикетке, оно не местного производства и даже не из Тарса, а скорее всего – из Парфии или даже из Индии. «Это очень дорогое пожертвование», – повторил твой брат...

– И ты не рассказывал об этом масле Марии? – спросил Иоанн, больше не всматриваясь в глаза Иуде, а глядя на ветви старой маслины и сквозь них на темнеющий восток, в сторону Вифании, Иерихона и лежащей за Иорданом Вифавары.

– С какой стати? Нет, конечно же не рассказывал! – вдруг напрягся Иуда и с раздражением продолжал: – Говорят тебе: мы только что вошли. Нас сразу пригласили на ложе. Мария ко мне не подходила. То есть она подошла только для того, чтобы спросить, где я оставил ящик. А после сразу вышла в прихожую. И уже через минуту явилась вся сияющая... А в ящике было несколько флаконов. И Сусаннин флакон намного привлекательней. Он ведь из горного хрусталя...

– Она подготовила Господа... Она сберегла этот сосуд на день Его погребения, – сказал Иоанн, и взгляд его был так далек, что невозможно было определить, куда он направлен.

Иуда уже рассердился:

– Еще раз повторяю: это *не ее был сосуд!* Она стащила его из моего... из нашего ящика!